

Грозный царь Иван Васильевич (2)

Не сине-то море колыбается,
Не сырой-то бор разгорается,
Воспылал-то Грозный царь Иван Васильевич,
Что надоть казнить Новгород да Опсково.
По горенке на честном пиру похаживат,
Пословечно государь он выговариват:
«Достал я перфилушку из Царя-града,
Повывел я туман из синя моря,
И повывел я измену с каменнóй Москвы:
Хочу вывести изменушку со Опскова».
Говорит его больший сын Иванушка Иванович:
«Батюшка наш, Грозный царь Иван Васильевич!
Достал ты перфилушку из Царя-града,
Повывел ты измену с каменной Москвы;
А не вывел ты тумана из синя моря,
Да и не повывести изменушки со Опскова:
У тебя изменщик за столом сидит,
Он ест да пьет с одной чашечки».
Говорит-то Грозный царь Иван Васильевич:
«Мне скажи-тко про изменщика великого».
Молодой Иванушка Иванович закручинился,
Закручинился он и запечалился:
«На братца мне-ка сказать — братца не видать;
На себя сказать — мне живу не бывать».
Говорил Иванушка Иванович:
«Батюшка наш, Грозный царь Иван Васильевич!
Как мы шли-то с Новгорода да Опскова,
Мы-то шли по правую руку Волхова,
А по левую руку Волхова шел Федор Иванович,
Так он делал изменушку великую:
Казнил он только старого да малого,
А что ни лучший он народ садил во погребя,
Опосля он выпускает их на белый свет».
Говорит тут Грозный царь Иван Васильевич
Громким голосом да во всю голову:

«Ай же вы, мои слуги верные,
Палачи мои немилостливые!
Берите-ка моего сына царского,
Того ли Федора Иванова,
За него за ручушки за белыя,
За него за перстни за злаченые,
Ведите-тко на поле на Куликово,
На это-то на место на торговое,
Срубите-тко ему буйную головушку
За него изменушку великую».

Все тут палачи затулялися,
Не смеют подойти ко сыну ко царскому
И не смеют казнить сына царского.
Молодой Иванушка Скурлатов сын
Скорешенько ставал он на резвы ноги,
Подходил-то он ко сыну ко царскому,
Ко тому ли Федору Ивановичу,
Берет его за ручушки за белыя,
За него за перстни за злаченые,
Повел его на поле на Куликово,
На этое на место на торговое,
Положить его на плаху на дубовую,
Срубить-то ему буйную головушку.
Этая царица московская,
Молода Настасьюшка Романовна,
Видит: дело есть не малое,
Не стало у ней сына любимого;
Бежит она по славной каменной Москвы
В одной тонкой рубашечке без пояса,
В одних тонких чулочках без чоботов.
Ко своему ко братцу ко любимому,
Ко тому Микитушке Романовичу,
На пяту она дверь поразмахивает.
Поглянул туда Микитушка Романович,
Говорил-то Микита таковы слова:
«Подошла-то ко мне гостейка незваная,
Незваная гостейка и нежданая!»
Говорит ему Настасья Романовна:
«Ай же ты, мой братец родимый,

Молодой Микитушка Романович!
Сидишь-то ты во тереме, златом верху,
Видно, надо мной незгодушки не ведаешь:
Не стало моего сына любимого,
То ли Федора Ивановича, —
Повел его Иванушка Скурлатов сын
На тое на поле на Куликово,
На место на торговое,
Срубить-то ему буйная головушка».

Молодой Микитушка Романович
Он скорешенько скочил как на резвы ножки,
Кунью шубоньку накиннул на одно плечо,
Шапочку соболью на одно ушко,
Хватил паличку булатную под пазушку.
Бежит-то Микита на широкий двор,
Он садился на добра коня не седлана,
Ехал он по славной каменной Москвы,
Ехал Микитушка он улицы,
Перемахивал Микита переулками,
И кричал Микитушка во всю голову,
Во всю голову кричал громким голосом:
«Если кто показнит сына царского,
Того я разжалую;
Кто не показнит сына царского,
Того я пожалую».
Скурлатов сын Иванушка расслухался,
Порасслухался и пораздумался:
«Царский сын-то не простой мужик,
Чем-нибудь меня, может, и пожалует!»
Молодой Микитушка Романович
Он скорешенько наехал на добром коне,
Соскочил-то Микита со добра коня
На своего на крестничка любимого:
Стоит детинушка Скурлатов сын,
Во руке он держит нож булатный —
Молодой-то Федор Иванович
Положен на плаху на дубовую —
Хочет он срубить ему буйну головушку.
Молодой Микитушка Романович

Берет он крестничка за ручушки за белыя,
За него за перстни за злаченые,
Становил-то он его на резвы ноги,
Целовал его в уста во сахарния,
Называл его крестничком себе любимым,
И схватил-то он детинушку Скурлатова,
Положил его на плашку на дубовую,
Срубил ему буйную головушку,
Срубил головушку, выговаривал:
«Не твой-то кус, да не тебе-то есть,
И не тебе, собаке, насмехатися,
И не тебе казнить сына царского!»
Говорил-то Федор Иванович:
«Ай же ты, мой крестовый батюшка,
Молодой Микитушка Романович!
Сам-то погинешь и меня сгубишь:
Наш батюшка — Грозный царь Иван Васильевич».
Говорил ему Микитушка Романович:
«Не убойся-тко ты, крестничек любимый:
Ты жив — и я буду жив».
Охватил его шубонькой куньею,
Садился на добра коня,
И поехали по славной каменной Москвы;
Приехали в свои палаты белокаменны
Ко своей сестрицы ко родимыя,
К молодой Настасьюшке Романовны.
Молода Настасьюшка Романовна
Обозрила своего сына любимого,
Тут ей сердце взрадовалось,
Тут ей слезушки-то приутихнули;
Она шла по славной каменной Москвы
Во свои палаты белокаменны.

Грозный царь Иван Васильевич
Схватился за своего сына за любимого:
Не стала своего сына любимого,
Он делал повеление в каменной Москвы
И во всем царстве Московском,
Чтобы народ-люди постилися
И ходили бы во матушку Божью церкву,

Господу Богу молилися
И носили бы одежицы опальные.
Идет Грозный царь Иван Васильевич
Во матушку Божью церкву
Со своей царицею московскою
Настасьею Романовной
И со своим сыном любимым
Иванушкой Ивановичем.
Приходит он во Божью церкву
В одежицы опальные.
Молодой Микитушка Романович
Приходит во матушку Божью церкву
Что ни лучшия в одежицы драгоценныя,
Пришел к царю до и поздравствовал:
«Здравствуй, батюшка Грозный царь Иван Васильевич
Со своей любимю семеюшкой — моей сестрицей любимю,
Царицей московскою Настасьей Романовной,
Со своима любымыма со детушкамы:
С Иванушкой Ивановичем и Федором Ивановичем!»
Говорил ему Грозный царь Иван Васильевич:
«Ай же ты, Микитушка Романович!
Что ты в глазах насмехаешься,
Надо мною ты подлыгаешься?
Али надо мной незгодушки не ведаешь,
Что не стало у меня сына любимого,
Того ли Федора Ивановича?
Уведен он на поле на Куликово
У того Иванушки Скурлатова,
Положен на плашку на дубову,
Срублена ему буйна головушка
За его изменушку великую».
Говорил ему Микитушка Романович:
«Есть бы кто тебе сына жива привел,
Того чем бы ты пожаловал?»
Говорил ему Грозный царь Иван Васильевич:
«Есть бы кто ко мне сына жива привел,
Дарил бы я города с пригородкамы,
Села дарил бы со приселкамы,
Бояр дарил бы со крестьянамы

И дарил бы я бессчетну золоту казну,
Силу (армию) дарил бы великую
И дарил бы я одежицы драгоценныя».
Молодой Микитушка Романович
Выпустил сына царского из-под правыя с-под пазушки.

Грозный царь Иван Васильевич
Не целует он сына любимого,
А целует он Микитушка Романовича,
И говорит он Микиты таковы слова:
«Ай же ты, Микитушка Романович!
Чим тебя теперь пожаловать?
Города ли ты берешь с пригородкамы,
Али села берешь со приселкамы,
Бояр ли ты берешь со крестьянамы,
Али силушку (армию) великую,
Али бессчетную золоту казну,
Али одежицы берешь драгоценныя?»
Говорил ему Микитушка Романович:
«Не беру я городов с пригородкамы,
Не надо мне сел со приселкамы,
Не надо мне бояр со крестьянамы,
Не надо мне силы (армии) великия,
Не надо мне бессчетной золотой казны,
Да и не надо мне одежицы драгоценныя:
У меня силушка велика в могучих плечах,
Есть бессчетной золотой казны по надобью,
Одежица драгоценная на мне-то не держится,
Есть под Микитой богатырский конь.
А ты пожалуй-ка Микитину вотчину:
Кто коня угнал, кто жену увел
Да ушел в Микитину вотчину, —
Того в Микитиной вотчины не взыскивати».
Тут Грозный царь Иван Васильевич
Пожаловал его Микитиной вотчиной:
Кто коня угнал, кто жену увел
Да ушел в Микитину вотчину, —
Того в Микитиной вотчины не взыскивати.

(Записано П. Н. Рыбниковым со слов Рябинина Т. Г., Киж)

Песни, собранные П. Н. Рыбниковым, изд. 2, т. 1, Москва, 1909.